

§ 7 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Костенко Н.И.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация: В статье рассматривается правовое значение квалифицирующих признаков состава международного преступления в международном уголовном праве. Основной целью настоящего исследования выработать определения и определить квалифицирующие признаки составов международных преступлений, которые вытекают из международно-правовых норм (международных договоров) и статута Международного уголовного суда в частности. Предпринято исследования субъекта, субъективной стороны, объекта и объективной стороны международного преступления. Особое внимание уделено квалифицирующим признакам международного преступления, которые являются основополагающими инструментами при квалификации международного преступления. Методологическую основу данного исследования составляет диалектический метод познания с применением принципов развития, целостности и системности. В работе применялись общенаучные и специальные юридические методы: сравнительный, системно-структурный, теоретико-методологический и др. В порядке констатации следует заявить о том, что до настоящего времени в российской и зарубежной науке международного права предпринимались исследования по указанной проблеме, но в тоже время, углубленного исследования в достаточной мере не проводилось. При этом сама по себе тема «Правовое значение квалифицирующих признаков состава международного преступления в международном уголовном праве», стала важной в теоретическом и практическом плане уже с момента учреждения и функционирования Международного уголовного суда. Автор приходит к выводу, что ответственность в международном уголовном праве за совершаемые международные преступления может наступать только при наличии объективных квалифицирующих признаков состава международного преступления в соответствии с требованиями, вытекающими из статута Международного уголовного суда и других международно-правовых норм регулирующих ответственность за совершаемые международные преступления.

Ключевые слова: Субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона, соучастие, физические лица, вина, мотив преступления, цель преступления, причинная связь.

Abstract: The main goal of this research is to devise a definition and determine the qualifying criteria of the elements of international crimes that are a byproduct of international legal norms (international agreements) and the status of the International Criminal Court. The actual topic of “legal definition of the qualifying criteria of the elements of an international crime within international criminal law” gained theoretical and practical importance from the very moment that the International Criminal Court was established and began its functioning. The author comes to the conclusion that a party can be held responsible for committing an international crime under the international criminal law only with the existence of the qualifying criteria of the elements of international crime that corresponds with the requirements of the International Criminal Court and other international legal norms that regulate the responsibility for the committed international crime.

Keywords: International Criminal Court, international crime, international criminal law, qualifying criteria, complicity, private party, guilt, motive, criminal intent, causation.

Состав международного преступления – это совокупность установленных международными правовыми нормами признаков, определяющих международное опасное деяние как международное преступление.

Каждое международное преступление опасное для международного сообщества и противоправно. Международная уголовная противоправность означает нарушение требования международно-правовых норм. Описанием международных преступлений в междуна-

родно-правовой норме очерчивается круг запрещенных деяний. Состав международного преступления выражает суждение международного сообщества о международной опасности и международной уголовной противоправности определенных деяний.

Значение состава международного преступления состоит в том, что только установление всех его признаков в деянии конкретного субъекта дает основание констатировать совершение им международного преступления и тем самым определять характер и объем ответственности. Только международно-правовая норма может провести грань между международным преступлением и непроступным деянием. Требования международно-правовой нормы о конкретном международном преступлении должны быть обязательным для всех государств мирового сообщества. Таким образом, лишь преступное деяние, соответствующее составу международного преступления, является международным преступлением – воплощены принципы международного права в осуществлении правосудия по конкретным делам.

Состав международного преступления образует совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону преступления. Все признаки состава международного преступления взаимосвязаны: каждый признак – часть ограниченного единства, отсутствие в деянии субъекта хотя бы одного из них означает отсутствие состава преступления в целом.

Признаки состава любого международного преступления устанавливаются только международно-правовой нормой. Каждая диспозиция конкретного взятого международного преступления содержит описание международного преступления. Например, ст. 6 статута Международного уголовного суда предусматривает, что «геноцид» означает любое из следующих деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; в) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членов такой группы; в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. В диспозиции указанной статьи указываются лишь те характерные для данного вида международного престу-

пления признаки, которые необходимы для его индивидуализации – определения преступного деяния и его отграничения от других международных преступлений. Другой пример, ч. 2 ст. 7 Статута Международного уголовного суда определяет общие признаки для всех преступлений против человечности. Следует заметить, что нельзя правильно понять содержание конкретной международной уголовно-правовой нормы, если рассматривать ее изолированно – вне связи с иными международными уголовно-правовыми нормами. Для того чтобы определить признаки конкретного состава международного преступления, необходимо, во всяком случае, учитывать другие международные уголовно-правовые нормы, которые определены в других статьях статута Международного уголовного суда.

Так, диспозиция ст. 6 статута Международного уголовного суда сравнительно подробно характеризует признаки геноцида, описывая характер действия и предмет посягательства (объективные признаки), цели действия (субъективные признаки), но ничего не говорит о субъекте этого преступления и других необходимых признаках. Для их установления следует обратиться к ст. 26 статута Международного уголовного суда, из содержания которой вытекает, что Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления, а п. d (II) ст. 25 Статута требует, чтобы международное преступление совершалось с осознанием умысла.

Таким образом, определение в статуте Международного уголовного суда общих признаков преступных деяний является особым способом конструирования состава международного преступления.

Однако установление совокупности признаков международного преступления, прямо указанных в статуте Международного уголовного суда, как правило, недостаточно для полного воссоздания состава международного преступления. Точное установление всех признаков состава международного преступления производится путем толкования международной уголовно-правовой нормы, основанной, в конечном счете, на научных знаниях. Наука международного уголовного права, изучая международные уголовно-правовые нормы и практику их применения, стремится исчерпывающе раскрыть все признаки каждого состава международного преступления. При этом, разумеется, речь не может идти о произвольном определении признаков составов: отсутствующие признаки восполняются путем умозаключений, основывающихся только на международной уголовно-правовой норме.

Каждое международное преступление – это единство всех его объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние, вызванные им последствия и преступника – лицо, совершившее международное преступление. Теоретический анализ позволяет выделить и рассмотреть обособленно составные элементы международного преступления: объект, объективную и субъективную сторону и субъекта. Состав преступления характеризует его элементы, что позволяет говорить также об элементах (составных частях) состава преступления.

Все признаки, используемые в международной уголовно-правовой норме при квалификации конкретных составов, разные и всегда относятся к соответствующим элементам состава международного преступления. Определенность признаков каждого состава международного преступления придает определенность его элементов. Таким образом, все признаки составов преступлений относятся: к субъекту международного преступления, его субъективной стороне, объекту преступления и его объективной стороне.

а) субъект международного преступления

Субъектами международных преступлений, которые вытекают из ст. 5 статута Международного уголовного суда – это физические и должностные лица, совершающие международные преступления.

Образования ООН и принятия ее Устава, а также уроки второй мировой войны, решающим образом способствовали режиму ответственности за совершаемые международные преступления. На этот счет была отвергнута доктрина ответственности государства за совершаемые международные преступления. На этот счет международный военный трибунал в Нюрнберге установил: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»¹.

П. М. Курис, на этот счет отмечал, что особая общественная опасность деяний, называемых преступлениями против человечества, вызвала появление своеобразной правовой ситуации, когда одно и то же фактическое поведение рассматривается в качестве международного преступления государства, порождающего международно-правовую ответственность последнего, и в качестве преступления против человечества, вызывающего уго-

ловную ответственность лица, организовавшего и осуществившего указанные преступления².

Обращая внимание на квалифицирующие признаки международного преступления необходимо обратить внимание на такое понятие как соучастие в международном преступлении.

В рамках международного преступления, совершенного при чьем-либо участии, соучастник играет иную роль, чем главный исполнитель преступления. В убийстве, например, физическое действие «убивать» отличается от действия «предоставлять средства для убийства». Хотя эти два правонарушения носят смежный характер (в принципе одно связано с другим), тем не менее, каждому из них свойственны особые черты. Не имея одного и того же физического содержания, они представляют собой два понятия, которым в юрисдикции дается две различные квалификации. Однако в некоторых случаях определить юридическое содержание этих двух понятий далеко не просто. Во внутригосударственном праве в зависимости от законодательства соучастие может иметь более или менее широкое содержание. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации определено понятие соучастия как совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признаются организаторы, подстрекатели и пособники (ст. 33 УК РФ). Степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания (ст. 32 УК РФ).

В Уголовном кодексе Франции перечисляются различные случаи соучастия. Оно может совершаться либо путем подстрекательства, либо предоставлением средств, либо пособничеством. В целом французское уголовное право не включает в соучастие акты, совершенные после основного преступления. Например, укрывательство как деяние отличается от соучастия. Во многих других законодательствах понятие соучастия ограничивается только теми актами, которые предшествовали или сопутствуют главному правонарушению. В таких законодательствах последний акт не рассматривается как соучастие. Оно квалифицируется как отдельные правонарушения.

Соучастие в международном уголовном праве вытекает из уставов международных военных трибуналов. В ст. 6 Устава Международного Нюрнбергского трибунала различались «руководители, организаторы, подстрекатели или пособники». В ст. 5 Международного

¹ См.: Ответственность за военные преступления и преступления против человечества (Сборник документов). М., 1969. С. 42-43.

² См.: Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973. С. 126-127.

военного трибунала для Дальнего Востока речь шла о «начальниках, организаторах, подстрекателях и соучастниках». А в ст. II закона № 10 Контрольного совета союзников речь шла о тех, кто: был исполнителем преступления; был соучастником в совершении какого-либо преступления или отдал приказ о совершении преступления или содействовал ему; дал согласие на совершение преступления; участвовал в планах или деяниях, имеющих отношения к преступлению; был членом любой организации или любой группы, причастной к совершению какого-либо преступления; занимал, особенно в том, что касается преступлений против мира, высокое положение в политической, гражданской или военной областях или какую-либо важную должность в финансовой, промышленной или экономической сферах.

Все эти положения наводят на мысль, что в них, похоже, проводится различие между соучастием и некоторыми соседними понятиями. Так, в Уставе Нюрнбергского трибунала соучастники составляют иную категорию, чем руководители, организаторы и даже подстрекатели. В Уставе Военного трибунала для дальнего Востока также проводится различие между соучастниками и начальниками, организаторами и подстрекателями. Что касается закона № 10, то в нем предусмотрены несколько категорий правонарушителей, внутри которых соучастник отличается от него, кто «отдал приказ или содействовал», или от того, кто «дал свое согласие», или кто занимал применительно к некоторым преступлениям (особенно против мира) «высокое положение в политической, гражданской или военной областях или какую-либо важную должность в финансовой, промышленной или экономической сферах».

Думается, что Нюрнбергский процесс, положил начало рассмотрению вопросов соучастия международной уголовной ответственности физических лиц. Как показал Нюрнбергский процесс, для наказания виновных в совершении международных преступлений в соответствии с общепринятыми процессуальными нормами первостепенное значение имеет именно установление степени участия каждого из физического лица в совершении преступлений.

Статут Международного уголовного суда в ч. 3 ст. 25 закрепил, что лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности.

Существует в доктрине международного уголовного права соучастие особого рода (*suī generis*), т. е. соучастие в форме участия в преступном объединении (организации, банде, заговоре)³. Так, А. Н. Трайнин, основываясь на ст. 6 Устава Международного военного трибунала, отмечал некоторые из этих форм соучастия, которые встречаются в контексте международной уголовной ответственности физических лиц. Думается, что А. Н. Трайнин правильно указывал, что для совершаемых ими действий ее типична именно третья форма соучастия – соучастие особого рода (*suī generis*)⁴. Важнейшее значение положений ст. 6 состоит в констатации того факта, что соучастие в случае международных преступлений принимает форму основанного на плане заговора с целью их совершения⁵.

Описываемая ситуация предусмотрена ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, в которой, в частности, упоминаются «пособники», участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора». Согласно этому положению, лица, принявшие участие в таком плане «несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами, с целью осуществления такого плана». Указанное положение содержится также и в ст. V, п. 2, закона № 10.

Необходимо отметить, что в таком толковании уголовная ответственность особенно широка, поскольку она выходит за рамки индивидуального поступка. Речь идет о коллективной ответственности, которая даже выходит за пределы понятия заговора в том смысле, в каком она существует в европейском континентальном праве. Например, во французском праве заговор рассматривается как отдельное правонарушение, которое наказывается как таковое. Если за заговором последовало начало его осуществления, то это являетсяотягчающим обстоятельством, которое повышает меру выносимого наказания, поскольку речь идет об индивидуальной ответственности. В то же время заговор строго ограничивается деяниями, которые могут нанести ущерб авторитету государства, целостности национальной территории или могут привести к гражданской войне.

Нюрнбергский процесс занимался в соответствии со ст. ст. 10-11 своего Устава вопросом о признании в качестве преступных групп или организаций органов безопасности, нацистской партии, являющихся частями репрессив-

³ См.: Трайнин А. Н. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса. Сов. гос. и право. М. 1947, № 3. С. 15.

⁴ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 16.

⁵ Ответственность за воинские преступления и преступления против человечества (Сборник документов), С. 29.

ного аппарата фашистского государства и несших особую ответственность за международные преступления⁶. Однако вследствие того, что большинство членов суда, которые отражали интересы государств – участников антигитлеровской коалиции, отказался сделать вывод о том, что преступными организациями являлись правительственный кабинет, генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил, т. е. ядро всего государственного аппарата фашистской Германии⁷.

В основе указанного правонарушения, лежит, как было выше сказано, коллективная ответственность, и факт этого правонарушения не ставится в зависимость от начала его существования. Кроме того, оно охватывает, по крайней мере, в Уставе Нюрнбергского трибунала не одну какую-либо категорию преступлений, а все преступления, предусмотренные Уставом: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества. Как известно, и это будет видно дальше, Нюрнбергский трибунал не принял эту экстенсивную концепцию и ограничил сферу применения этого понятия только преступлениями против мира. Однако положения устава охватывали гораздо широкий круг преступлений.

В международном уголовном праве существует понятие как *conspiracy*. *Conspiracy* – это своеобразная конструкция, которая квалифицирует преступным согласием между лицами с целью совершения какого-либо правонарушения. Стержнем этого понятия является само согласие независимо от того, было ли совершено правонарушение. Согласие с целью убийства наказуемо даже в том случае, если это убийство не было совершено, и даже если не было начала действия с этой целью. В основе этого правонарушения лежит коллективная ответственность. Вопреки общему принципу международного уголовного права, в соответствии с которым индивидуум отвечает только за свои собственные действия, только за те деяния, которые могут быть вменены в вину лично, концепция *conspiracy* возлагает уголовную коллективную ответственность на всех тех, кто стоял в таком заговоре. Помимо такой ответственности каждое лицо несет также личную ответственность за те преступления, которые оно реально совершило в рамках заговора. Именно это понятие *conspiracy* было положено в основу составления вышеупомянутых документов и именно на нем строилось обвинение.

⁶ См.: Ответственность за военные преступления и преступления против человечества (Сборник документов). С. 30-32.

⁷ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник документов. Т. VII.М., 1961. С. 516.

Следует заметить, что Нюрнбергский трибунал не учел пожелание прокуратуры и выразил мнение о том, что цель последнего параграфа ст. 6 «состоит не в том, чтобы добавить к вышеперечисленным преступлениям еще одно отдельное преступление, а лишь в том, чтобы определить круг лиц, которые будут привлекаться к ответственности за участие в общем плане»⁸. Даже при таком толковании указанного параграфа Нюрнбергский трибунал отклонял обвинение в *conspiracy* применительно к военным преступлениям и преступлениям против человечества и предъявлял такое обвинение только в случае преступлений против мира. Другими словами, те преступления которые Военный трибунал квалифицировал как преступление высших государственных руководителей, таких как преступления против мира, может совершаться только указанными руководителями.

Генеральный прокурор Джексон требовал самого широкого применения понятия *conspiracy*, которое он изложил впечатляющим и последовательным образом. Среди принципов, повседневно применяемых трибуналами Великобритании и Соединенных Штатов Америки в отношении заговора, наиболее важным является:

Во-первых, наличие таких фактов, как участие в собрании или достижении согласия в совершении преступления, не обязательно. Достаточно, несмотря на то, что лица могли играть различную роль, чтобы они предприняли в тесном сотрудничестве какое-либо совместное действие с целью выполнения какой-либо общей задачи. Во-вторых, какое-либо лицо может считаться виновным даже в том случае, если оно не знало своих сообщников по заговору или точно не знало, какую роль они играют или какие действия предпринимали; кроме того, какое-либо лицо может привлекаться к ответственности, даже если оно лично не участвовало в преступных деяниях или отсутствовало в момент их совершения. В-третьих, ответственность может возлагаться и на других сообщников по заговору, несмотря на то, что их действия были непреднамеренными и незапланированными, если действия были предприняты во время осуществления общего плана. В-четвертых, для привлечения к ответственности совсем не обязательно быть участником заговора одновременно с другими его участниками или в момент совершения преступного деяния. Если какое-либо лицо становится участником заговора, то оно тем самым одобряет и подтверждает все, что было сделано в рамках этого заговора ранее, и

⁸ См.: *Proces des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international. Texte officiel en langue française*, 42 volumes, Nuremberg, 1947-1949, t.I, p. 238.

несет ответственность вплоть до того момента, когда оно выходит из этого заговора, поставив в известность об этом своих сообщников.

Полагаем, что члены какой-либо преступной организации или заговора, которые лично совершают преступления, должны нести личную ответственность точно так же, как и те, кто совершает аналогичные преступления вне рамок какой-либо организации. Сама суть преступления, заключается в *conspiracy* или принадлежности к какой-либо преступной организации, состоит в ответственности за поддержку или поощрение деяний, которые не совершаются лично. Преступление заключается в факте присоединения к другим лицам для участия в совместном незаконном деянии, каким бы правомерным не были бы сами по себе личные действия участника⁹. Генеральный прокурор Джексон отмечал, что эти общие принципы находят свою основу и обоснование в защите обществ, которые не могли бы нормально функционировать перед лицом «наращивания мощи объединениями индивидуумов».

Исходя из выше изложенного анализа усматривается, что система зиждется на двух видах ответственности: индивидуальной и коллективной, которые не исключают друг друга, а вместе существуют. Это понятие *conspiracy* отсутствующее в континентальном праве, точно не совпадает ни с одним понятием этого права. Оно не отражает в полной мере ни соучастие, ни заговора. По своему значению это понятие приближается к соучастию, поскольку, по словам Генерального прокурора Джексона, участники этого преступления «содействуют или поощряют». Однако в то же время оно граничит и с заговором, так как речь идет о договоренности с целью выполнить какой-либо общий план.

Применяя понятие *conspiracy* только к преступлениям против мира и отвергая его в области военных преступлений и преступлений против человечества, Нюрнбергский трибунал, похоже, взял из этого понятие лишь аспект «заговора». То, что касается преступлений против мира в том виде, в каком они были определены в Уставе Нюрнбергского трибунала (осуществление вторжений в другие государства и развязывание против них агрессивных войн, разработка плана, подготовка, развязывание или ведение какой-либо агрессивной войны или какой-либо войны в нарушение международных договоров и соглашений, участие в каком-либо плане или договоренности с целью осуществления одного из этих преступлений), то их исполнители могут

быть, как было уже изложено выше, лишь руководители государств, которых связывает между собой совместная деятельность. Они являются соисполнителями, а не соучастниками, и их действия представляют собой заговор против внешней безопасности какого-либо другого государства.

Можно поставить вопрос о том, граничит ли понятие *conspiracy* лишь с заговором, или же оно имеет некоторое сходство и с соучастием. Действительно, как было сказано выше, Генеральный прокурор Нюрнбергского процесса Джексон сам употребил в отношении понятия *conspiracy* выраженное «содействовать или поощрять», которое входит в определение соучастия. В этой связи создается впечатление, что *conspiracy* включает идею соучастия, когда план осуществляется в рамках какой-либо организации, в которой существуют отношения подчиненности между начальниками и исполнителями, так как в этом случае возможна вероятность соучастия между начальниками и подчиненными.

Клоду Ломблуга размышляя о *conspiracy*, он считал, что как преступление против мира, включает за собой коллективную ответственность, в основе которой лежит солидарность государственных руководителей¹⁰. В том, что касается военных преступлений или преступлений против человечества, то понятие *conspiracy* приобретает форму общей теории преступного участия, которая «позволяет привлечь к ответственности как тех, кто замыслил преступление в целом, так и тех, кто осуществлял его в деталях» (агрессии), так и акты соучастия (выполнение какого-либо приказа).

Таким образом, критерии соучастия физических лиц при совершении международных преступлений приобретает новое качество, степень и формы соучастия которых в его акциях различны, но которые отличаются общей преступной направленностью. Такая постановка вопроса, с нашей точки зрения, является важным элементом при определении характера и форм их международной ответственности.

Нюрнбергский трибунал безоговорочно признал принцип индивидуальной уголовной ответственности физических лиц. Однако хотя для трибунала в той конкретной политико-правовой обстановке главным было подтверждение именно этого принципа, и как судебный орган он рассматривал действия физических лиц, совершенно очевидно, что с точки зрения трибунала их ответственность была неотделима от международно-правовой ответственности нацистской Германии за совершенные преступления. Кроме того, в приговоре

⁹ См.: *Proces des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international. Texte officiel en langue française*, 42 volumes, Nuremberg, 1947-1949, t. VIII, p. 366 et 367.

¹⁰ См.: *Droit penal international*, deuxion, Dalloz, 1979, p. 155.

сначала давалось описание преступлений применительно к самой Германии и лишь затем применительно к отдельным обвиняемым. Следовательно, суд исходил из того, что за совершение этих преступлений возникают два типа ответственности независимо от того, устанавливается ли это прямо в соответствующих международных документах. Аналогичные выводы можно сделать и из работы Токийского военного трибунала.

Что же касается преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, то круг их непосредственных соучастников очень широк и практически включает в себя правящую элиту, использующую государственную власть в преступных целях, т.е. всех занимающих ответственное положение лиц, которые влияют на формирование и осуществление преступной политики и знают о планировании, подготовке и осуществлении этих преступлений. Предлагаемый нами подход к понятию соучастия состоит в том, что соучастие следует рассматривать в контексте только индивидуальной ответственности за международные преступления.

Два сопутствующих друг другу типа ответственности лежат в основе и принятого в 1996 г. Комиссией международного права ООН проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества¹¹. В ст. 1 проекта устанавливается, что ответственные за перечисленные в нем преступления индивиды наказываются, что подтверждает принцип индивидуальной уголовной ответственности физических лиц.

В ряде международно-правовых актов, принятых в послевоенный период устанавливается индивидуальная уголовная ответственность физических лиц. Так, в конвенциях о геноциде -1948 г. и апартеиде -1973 г. говорится о наказании физических лиц соответственно за преступления геноцида и апартеида.

Таким образом, в международном праве складывается принцип, предусматривающий ответственность за совершение международных преступлений виновных физических лиц.

Как отмечает Ю. М. Рыбаков, «общепризнанный в настоящее время в международном праве принцип международной уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и человечества является важным»¹².

Таким образом, анализ международно-правовых документов позволяет сделать вывод о том, что субъектами международных преступлений являются физические лица, конкретно совершающие эти престу-

пления. Большинство отечественных и иностранных юристов-международников согласны с такой точкой зрения. Г. И. Тункин отмечал, что в «современном международном праве признается принцип индивидуальной ответственности (наряду с ответственностью государств) за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности»¹³. В. И. Менжинский показал, что субъектами международных преступлений, являются физические лица, в отношении которых также возникает международная ответственность и которые изымаются из юрисдикционного суверенитета государства-правонарушителя¹⁴.

В п. 4 ст. 25 статута Международного уголовного суда сказано, что ни одно положение в статуте Международного уголовного суда, касающееся индивидуальной уголовной ответственности не влияет на ответственность государств по международному праву.

Из резолюции 56-й сессии Генеральной Ассамблеей ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. «Ответственности государств за международно-противоправные деяния» вытекает, что государство, которое помогает в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за это, если: а) данное государство делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; в) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данным государством.

Государство, которое руководит другим государством и осуществляет контроль над ним в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за данное деяние, если: а) данное государство делает это, зная об обстоятельствах международно-противоправного деяния; б) деяние являлось бы международно-противоправным в случае его совершения данным государством (ст. 17 Приложения).

Государство, которое принуждает другое государство к совершению какого-либо деяния, несет международную ответственность за данное деяние, если: а) такое деяние, если бы не принужденное, являлось бы международно-противоправным деянием принуждаемого государства; б) принуждающее государство делает это, зная об обстоятельствах этого деяния (ст. 18 Приложения)¹⁵.

¹³ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 431.

¹⁴ См.: Менжинский В. И. Проблема международной ответственности (В свете советской концепции международного права). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. М., 1951. С. 15.

¹⁵ См.: Док. ГА ООН. А/56/589.

¹¹ См.: Док. ООН. А/51/10

¹² См.: Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980, С. 182.

Заметим, что международная ответственность государства, которую влечет за собой международно-противоправное деяние порождает юридические последствия, которые выражаются в том, что государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием включая любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства. Из ст. 58 Приложения вытекает, что ответственность государств за международно-противоправные деяния не затрагивают вопросы индивидуальной ответственности по международному праву любого лица, действующего от имени государства.

Понятие соучастие может охватывать действия, включавшиеся в организации, руководстве, приказании или бездействии должностного лица (командира, начальника). В основе такого расширения понятия «соучастие» лежит презумпция ответственности непосредственного начальника. Думается, что последний должен быть информирован о своей деятельности своих подчиненных, и факт непредотвращения им какого-либо преступного акта или проекта равносителен соучастию в преступлении. Так, например, Верховный суд Соединенных Штатов Америки в разбирательстве по делу Ямашиты отклонил заявление habeas corpus японского генерала Ямашиты, заявил: «утверждается, что обвинение не доказано, что заявитель знал о таких актах или отдавал приказ об их совершении, и что в связи с этим он ни в чем не обвиняется, однако в этом утверждении не учитывается тот факт, что главный мотив обвинения состоит в неправомерном невыполнении заявителем как командующим армией своей обязанности контролировать операции находящиеся под его командованием частей, в результате чего он позволил им совершать в столь крупных масштабах установленные жестокие акты. Таким образом, вопрос состоит в том, действительно ли законы ведения войны обязывают командующего армией принимать в рамках его полномочий соответствующие меры по контролю за вверенными ему войсками, с тем, чтобы предотвратить конкретные акты, которые нарушают эти законы и которые могут совершаться в ходе оккупации территории противника неконтролируемыми военнослужащими, и действительно ли можно возлагать на него ответственность за непринятие таких мер, если в результате этого были совершены преступления». Ответ суда на этот счет был утвердительным¹⁶.

Применительно к начальнику, подчиненные которого совершили какое-либо преступное деяние, существует

презумпция соучастия. Начальник (командир) должен представить доказательства того, что он не мог предотвратить совершение рассматриваемого преступления.

Такая презумпция была распространена и на членов правительства. В том, что касается военнопленных, то в постановлении Токийского трибунала¹⁷ ответственность возлагалась не только на чиновников, осуществлявших прямой непосредственный контроль за военнопленными, но также и в целом на членов правительства, офицеров сухопутных или военно-морских сил, которые командовали подразделениями охраны военнопленных, на сотрудников служб материального обеспечения военнопленных. «Все работники, занимающие ответственные посты, обязаны обеспечивать надлежащее обращение с военнопленными и предотвращать случаи плохого обращения с ними». Сознательное невыполнение этой обязанности или пренебрежение ею делает вышестоящих начальников соучастниками преступлений, которые могут быть совершены.

Таким образом, вследствие того, что международные преступления имеют особо опасный характер, соответствующие должностные лица не просто персонифицируют государство, которому вменяются эти деяния, несут самостоятельную международную уголовную ответственность.

Физические лица, могут становиться субъектами ответственности за совершение международных преступлений со стадии приготовления к ним. Во время Нюрнбергского процесса защита пыталась доказать, ссылаясь на положения Парижского пакта, что международное право объявляет вне закона только агрессивную войну как таковую, но не ее планирование и подготовку¹⁸. Существует несколько аргументов, показывающих неправомерность подобной точки зрения. В отличие от внутреннего права, по которому незавершенное покушение на преступление может не представлять общественной опасности, приготовления к агрессии, создание военного потенциала, пропаганда войны уже сами по себе несут повышенную общественную опасность для мира и международной безопасности, сами являются самостоятельными составами преступлений¹⁹. Планирование и подготовка войны, являются составом международного преступления и попадают под юрисдикцию Международного уголовного суда. Глава гл. VII Устав ООН предусматривает действия не только против нарушений мира и актов агрессии, но и в отношении угрозы миру.

¹⁷ См.: Ibid., vol.XV,p.72 et 73.

¹⁸ См.: Полторак А.И. Указ. соч. С.118-119.

¹⁹ См.: Там же С. 119.

¹⁶ См.: The Law Reports of War Criminals, vol. II, p. 70.

Декларация о предотвращении ядерной катастрофы, по существу, объявила преступным и приготовление к применению ядерного оружия, провозгласив несовместимыми с законами человеческой морали и высокими идеалами Объединенных Наций соответствующие доктрины и любые действия, подталкивающие мир к катастрофе.

В приговоре Нюрнбергского трибунала, положения международных соглашений типа Парижского пакта рассматривается в свете общих принципов международного права²⁰. Приготовление к тяжким преступлениям наказывается уголовно-правовыми нормами государств, причем соответствующие нормы, как правило, содержатся в общей, а не в особенной части кодексов. Можно констатировать, что если в международном правовом акте говорится о каком-то конкретном составе преступления, то при определении ответственности за него должны быть приняты во внимание и соответствующие общие принципы права. Так, в отношении агрессии, что не только ее практическое осуществление, но и все этапы ее подготовки и организации имеют преступный с точки зрения современного международного права характер. Следует отметить, что в международном праве появились нормы, запрещающие разработку новых видов вооружений, если их последующее применение могло бы иметь противоправный или преступный характер. Так, например, содержание ст. 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., принятого 8 июня 1977 г.²¹ определяет, что при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны, государства должны определить, подпадает ли их запрещение к каким-либо нормам международного права, применяемых к конкретному государству.

Думается, что с принятием Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, следует четко определить, какое содержание должно считаться соучастием преступным в международном уголовном праве: подстрекательство, помощь в совершении преступления, содействие, предоставление средств, приказ, ясно выраженное или молчаливое согласие, акты последующего участия с целью устранения преступника или предметов международного преступления. По нашему мнению, эти деяния должны были бы входить в содержание соучастия. Другими словами, соучастие

следует понимать в широком смысле этого слова. Вопрос же о необходимости объявить преступным статус члена какой-либо организации или участие в каком-либо общем плане, напротив, должна сначала стать предметом детального обсуждения. Хотя в принципе в основе уголовной ответственности лежат индивидуальные деяния, которые могут быть конкретно идентифицированы и вменены в вину какому-либо конкретному исполнителю, не следует забывать, что в данном случае мы имеем дело с той областью, где большинство действий предпринимаются или осуществляются совместно. Группы и организации являются наиболее подходящим средством для совершения преступлений массового характера, каковыми часто являются рассматриваемые международные преступления, и поэтому нередко трудно установить, какую конкретную роль играло то или иное лицо. Поэтому необходимо принять меры в отношении этих организаций, которые являются своего рода притоном анонимной преступности.

Если в Кодексе преступлений против мира и безопасности человечества не будут объявлены преступными указанные выше явления как самостоятельные преступления, тогда они войдут в сферу применения принятия широкого соучастия, и эта теория, возможно, сможет охватить рассматриваемые ситуации. В этой связи небезынтересно отметить, что в статье III d Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г.²² предусматривается «заговор с целью совершения геноцида», что является типичным применением теории *conspiracy*.

Таким образом, можно констатировать то, что трудность проблем рассмотренных выше, объясняется тем, что границы рассматриваемых понятий четко не определены. В теоретическом плане понятие соучастия и заговора, безусловно, отличаются друг от друга, однако в любом заговоре всегда присутствует определенная степень соучастия исполнителей. На основании изложенного полагаем, что субъект преступления – это лицо, совершившее международное преступление, достигшие 18 лет, если совершено преступление вменяемое, способно отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

б) субъективная сторона международного преступления

Субъективная сторона международного преступления характеризует психическое отношения субъекта к совершаемому им общественно опасном

²⁰ См.: Ответственность за воинские преступления и преступления против человечества (Сборник документов). С. 40.

²¹ См.: Документ ООН A/32/144. С. 49.

²² См.: Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С. 124.

действиям и их последствиям, выраженное в форму умысла или неосторожности.

Учет психического отношения, проявленного в совершенном международном преступлении, дает возможность оценить степень общественной опасности, как международного преступления, так и субъекта преступления. Как будет показано ниже, международное преступление, совершенное умышленно, более опасно, чем международное преступление, совершенное по неосторожности. Более общественно опасен также и субъект международного преступления, осуществивший свой умысел.

Субъективную сторону международного преступления образуют вина, мотив и цель лица, совершившего международное преступление.

Вина, по общему признанию, относится к субъективной стороне международного преступления, но соотношение этих категорий в национальной уголовно-правовой литературе – предмет продолжительной дискуссии. Совпадает ли понятие субъективной стороны международного преступления и вины или эти понятия не тождественны? На данный вопрос имеется два различных ответа. Одни авторы полагают, что вина и представляет собой субъективную сторону международного преступления, что эти понятия совпадают по своему содержанию (А.А. Пиотковский, Г.А. Кригер и др.)²³.

Другие считают, что субъективная сторона, являлась более емким понятием, не исчерпывается содержанием вины, субъективная сторона якобы включает наряду с виной и другие психические моменты (мотив, цель, эмоции). Данная точка зрения получила свое распространение и в учебной литературе. Ответ на этот вопрос и наиболее полное представление о содержании дискуссии можно составить лишь после раскрытия содержания вины и ее компонентов.

В международном уголовном праве под виной, прежде всего, принято понимать психическое отношение субъекта к совершенному деянию. Такое понимание вины сложилось в результате дискуссии по проблемам вины, которая проходила на уровне национальных правовых систем еще в 50-е годы прошлого века. Эта дискуссия отвергла так называемую оценочную теорию вины, которая рассматривала психическое отношение лица к совершаемому деянию и последствиям не как реально существующее, а лишь как оценку судом всех объективных и субъективных обстоятельств, связанных с преступлением, а также личностью субъекта

международного преступления. Оценочная теория вины могла бы дать теоретическое обоснование необходимым репрессиям, так как она способствовала пониманию вины как оценки судом деятельности, поведения субъекта международного преступления.

Дальнейшие исследования понятия вины содействовали отрицанию не только оценочной деятельности суда как признака вины, но и признаков, характеризующих деяние, личность виновного и другие мотивы. Как видно, в определении вины подчеркивалась ее неразрывная связь с деянием, с международным преступлением путем указания на предмет психического отношения субъекта – деяние и его последствия. Думается, что такой подход к определению вины логически обусловил выделение форм вины, в которых появляется отношение субъекта к деянию и его последствиям (в форме умысла или неосторожности). Однако такой четкий подход к дифференциации форм вины не исключил смешанной формы, в которой проявляется сочетание признаков умысла и неосторожности.

В определении вины отражается и социальная сущность – отрицательное отношение субъекта к интересам личности и государства, общества, которое выражено в уголовно-противоправном деянии.

На основании изложенного попытаемся сформулировать определение вины. *«Вина – это предусмотренное международной уголовно-правовой нормой психическое отношение субъекта в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию и его последствиям, выражающее отрицательное или безразличное отношение к интересам личности и государства»* (выделенное мною Н.И.).

Такое определение понятие вины дает возможность раскрыть психологическое содержание и социальную сущность вины.

Психологическое содержание вины занимает центральное место среди основных категорий, характеризующих ее. Составные элементы психического отношения, проявленного в конкретном международном преступлении, – сознание и воля. Изменение содержания сознания и воли образует форму вины. Содержание вины обусловлено совокупностью интеллекта, воли и их соотношением. Интеллектуальные и волевые особенности субъективной стороны международного преступления весьма разнообразны и определяют как политическую и юридическую оценку содеянного, так и степень ответственности виновных. Принципы современного международного уголовного права не допускают возложения ответственности за совершение действия при отсутствии вины (умысла или неосторож-

²³ См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рагоза 3-е изд. М. Эксмо, 2009. С. 94-115.

ности). Одно лишь психическое состояние, не выраженное в конкретных внешних действиях, также не может являться основанием уголовной ответственности.

И.П. Блищенко считал, что в нормах международного уголовного права форма вины (умысел, неосторожность) не упоминается, в то же время сама природа большинства международных преступлений такова, что они могут быть совершены только умышленно и с четко определенными целями²⁴.

Умысел как форма субъективной вины включает интеллектуальные и волевые элементы. Интеллектуальный элемент умысла заключается в том, что лицо сознает общественно опасный (противоправный) характер своих действий, их фактическое (физическое) содержание, а также предвидит возможные последствия, которые проистекут из его действий, и сознает их общественно вредный характер.

Заметим, что все эти признаки умысла присущи и международному преступлению, с той лишь разницей, что соотношение между ними и некоторые их характеристики могут быть более сложными. Следует заметить, что субъект международного преступления – физическое лицо, и оно всегда сознает значение и содержание своих действий и последствий. Масштабы преступных результатов международных преступлений (таких как агрессивная война в Ираке) предвидятся участниками такого преступления не в полной мере, проявляя при этом самоуверенность и самонадеянность о не наказании за совершенное международное преступление. Например, циничные попытки отдельных подсудимых на Нюрнбергском и Токийском процессах уклониться от ответственности под предлогом, что они не предвидели тяжелых последствий, причинение значительного вреда и уничтожение людей, которые они планировали и был причинен военными операциями, – были пресечены международными трибуналами, констатируя факт, что сама агрессия является международным тяжким преступлением.

В современном международном уголовном праве в последнее время, принято считать, что в случае совершения международного преступления, которое прямо направлено против других стран и народов, оценивать общественную опасность международного преступления на основе правосознания тех лиц, государств и социальных групп, которые сами его готовят и совершают, было бы абсолютно не верным. Думается, что такая оценка должна иметь объективную международно-

правовую основу, которая должна быть обоснована на нормах и принципах международного права, которые запрещают совершать международные преступления, и устанавливают за них суровую ответственность. Принципы и нормы международного права отражают правовое и политическое сознание народов мира.

Как правило, лица, совершившие международные преступления ясно понимают противоправность своих преступных действий. Например, сам акт гитлеровцев сохранить в тайне массовые убийства военнопленных и гражданского населения, уничтожение народов других национальностей, грубые нарушения законов и обычаев войны, убедительно свидетельствует о том, что они в полной мере понимали значение и тяжесть преступных действий.

Волевое содержание вины отражает различную степень намерений преступного умысла субъекта преступления, его стремление к достижению преступного результата. По этому элементу в международном уголовном праве различают два вида умысла: прямой и косвенный умысел. При прямом умысле субъект желает наступления преступного результата, а при косвенном умысле наступление преступных последствий допускается как возможное следствие соответствующих действий.

При совершении международных преступлений, как правило, преобладает прямой умысел, которому присуща, намечена цель. Например, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны. Субъективная сторона данного преступления характеризуется только прямым умыслом, так как совершается преднамеренно. Или взять такой состав преступления как публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, то с субъективной стороны указанного преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что публично призывает к развязыванию агрессивной войны, чем создает психологическую и идеологическую напряженность в определенной среде населения, и желает этого.

В связи с указанной проблемой следует рассмотреть вопрос о целях и мотивах совершения международного преступления.

Цель преступления – это представление о желаемом результате, к достижению которого стремиться субъект международного преступления, совершая уголовно-противоправное деяние.

Мотив и цель являясь компонентами вины, имеют много общего, и порой их трудно отличить. Цель носит как бы временный характер, если она достигнута, она должна быть реальной, т.е. ее достижение при опре-

²⁴ См.: Международное уголовное право. Учеб. Пособие / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 74.

деленных обстоятельствах становится возможным (например, «истребление» – умышленное создание условий жизни, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения).

Цель преступления может быть обязательным признаком субъективной стороны, а может быть за пределами обязательных признаков того или иного вида преступления. Отсутствие цели, если она является обязательным признаком, означает отсутствие субъективной стороны, а следовательно, отсутствие оснований для привлечения к уголовной ответственности. Если цель не является признаком субъективной стороны, ее установление способствует определению социальной запущенности личности виновного, что учитывается при индивидуализации ответственности и назначении наказания.

Цель отличается от мотива преступления тем, что она определяет направленность действий, это представление о результате, к достижению которого лицо стремиться, мотив же – это то, чем руководствовалось лицо, совершая преступления. Таковы были цели и мотивы немецких фашистов и японских милитаристов, таковы они и у тех, кто в настоящее время совершает международные преступления.

В отдельных случаях цели и мотивы международных преступлений могут иметь и несовпадающее содержание. Например, участие в том или ином преступлении может порождаться мотивами мести и т.п. Мотив может иметь сложный, смешанный характер. Например, осужденные Токийским трибуналом Кидо, Тодзио и Окава из материалов деда было видно, что они верили в судьбу и каждый из них в отдельности содействовал заговору, который вовлек Японию в агрессивную войну. Все втроем верили в успех, и патриотизм их был неразрывно связан с личной выгодой²⁵.

В международных преступлениях присутствует и косвенный умысел, при котором сознательно допускается возможность вредных последствий.

В последнее время уделяется значительное внимание неосторожным преступлениям. Во-первых, это обусловлено увеличением числа данных международных преступлений, а во-вторых, развитие научно-технической революции требует нового подхода к этой мировой проблеме.

Неосторожная вина имеет свои признаки, и в отличие от умысла связана с отрицательным отношением к преступным последствиям, наступление которых оно

не желает и не допускает. Например, применительно к преступлениям международного характера, таким как повреждение подводного морского кабеля, загрязнение окружающей среды, незаконное радиовещание и т.п.

б) объект международного преступления

Объект международного преступления – тот, против кого оно совершается, т.е. мир между народами, мирное сосуществование, основа нормальных международных отношений необходимых для мирного сотрудничества между государствами, жизнь и здоровье национальной, этнической, расовой или религиозной группы, будучи поставленными под международную уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего субъектом международного преступления причиняется вред или создается угроза причинения вреда.

Рассматривая непосредственный объект международного преступления, следует отметить его чрезвычайную многообразность. На этот счет Е.А. Коровин говорил: «сколько защищаемых современным международным правом интересов, столько же может быть и международных деликтов»²⁶.

На сегодняшний день проблема определения непосредственного объекта международных преступлений имеет важный характер, так как сама категория международных преступлений, являющаяся видовой по отношению к родовой категории международных преступлений. И указанная категория появилась в результате выделения из многообразного перечня объектов международных преступлений, которые имеют важное значение для международного сообщества.

Ю. А. Решетов считал, что в настоящее время существует, проблема конкретизации непосредственных объектов международных преступлений. Во-первых, в основе такой конкретизации должно лежать последовательное применение принципа общественной опасности, и, во-вторых, такая конкретизация имеет нормативную цель уточнения режима ответственности за их совершения²⁷.

Исходя из сказанного, можно заключить: концепция «объект международного преступления есть общественные отношения» явно не способствует решению проблем, связанных не только с потерпевшим от международного преступления, но и с предметом международного преступления. Думается, что вряд

²⁵ См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С.71-72.

²⁶ См.: Современное международное публичное право. М., Л., 1926. С. 35.

²⁷ См.: Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 28.

ли свидетельствует в пользу этой концепции и то, к каким выводам она приходит при уяснении так называемого механизма причинения вреда общественным отношением. В зарубежной литературе и в доктрине международного уголовного права имеется мнение, что каждое международное преступление, независимо от его конструкции и от того, удалось ли субъекту международного преступления довести его до конца или же преступная деятельность была прервана на стадии покушения или приготовления, разрывает общественно необходимую связь субъекта международного преступления с другими физическими лицами, внутренне присуще всем общественным отношениям. Каждое физическое лицо, совершившее международное преступление, является субъектом того конкретного общественного отношения, на которое посягает его деяние.

Для рассмотрения концепции объекта преступления подобного рода представляется о «механизме» причинения вреда общественным отношениям выглядят логичным, ибо, выступая, как некое целое, они не могут не включать в себя определенные элементы. Думается, что вполне понятным и закономерным следует признать стремление приверженцев рассматриваемой концепции включить в число таких элементов участников общественных отношений, его содержание и предмет. Считаем, что не должны вызывать возражений и часто высказываемые в этой связи утверждения, согласно которым характеристика участников общественного отношения предполагает выявление и учет: признаков субъекта преступления, с одной стороны, и потерпевшего – с другой; содержания общественного отношения – прав и обязанностей участников и их фактического поведения; предмета отношения – того, по поводу чего оно возникает.

На основании изложенного можно констатировать тот факт, что объект – это то, что на что посягает международное преступление, то, что охраняется международной уголовно-правовой нормой. Объектом преступления является обеспечение мира, международной безопасности, защиты человека и жизненно важных интересов международного сообщества в целом. Необходимо отметить, что в диспозициях международных уголовно-правовых нормах отсутствуют указания на признаки объекта. Думается, что, они должны устанавливаться путем толкования международной правовой нормы, путем определения места уголовно-правовой нормы в общей системе международно-правовых норм, сопоставление ее с другими международно-правовыми нормами и т.п.

в) объективная сторона международного преступления

С объективной стороны международное преступление характеризуется разными признаками. В теории национального уголовного права общепринято, что объективная сторона всякого преступления представляет собой процесс совершения общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы. Указанный процесс рассматривается с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития преступления во времени и пространстве, которая, как правило, начинается с преступного действия или же бездействия и заканчивается наступлением вредных последствий. На этот счет можно выделить три основных признака, на которых складывается объективная сторона: общественно опасное действие или бездействие субъекта; вредные последствия; причинная связь между ними. На этот счет необходимо отметить, что поскольку всякое преступление совершается в пространстве и времени, важными признаками объективной стороны являются способ, место, время и сама обстановка совершения международного преступления. На наш взгляд все эти признаки объективной стороны присущи международному преступлению и они обладают специфическими особенностями. На этот счет И.П. Блищенко считал, что касается преступного действия в международном преступлении, то его специфика связана, прежде всего, с масштабами международных преступлений²⁸.

Международные преступления разнообразны. При этом И.П. Блищенко полагал, если некоторые преступления международного характера по способам их совершения могут мало отличаться от общеуголовных преступлений, совершаемых в рамках национального права (например, угон самолета или продажа наркотиков), то международные преступления в собственном смысле слова достигают глобальных масштабов и соответственно объективная их сторона представляет собой не одно действие и даже не серию действий одного лица (продолжаемое преступление), а сложную и разветвленную деятельность многих лиц и организаций, осуществляемую подчас на протяжении нескольких лет и даже десятилетий²⁹.

Понятие деятельности международного преступления в международном уголовном праве довольно сложное, продолжительное, а масштабы деятельности значительно широкие. Например, преступления против

²⁸ См.: Международное уголовное право. Учеб. пособие/Под общей ред. В.Н. Кудрявцева. М. 1999. С. 69.

²⁹ См.: Указ. соч. С. 69.

мира и безопасности человечества. В частности взяты состав преступления: «Планирование, подготовка, развязывания или ведения агрессивной войны», где объективная сторона рассматриваемого преступления носит вариантный (альтернативный) характер и может выражаться в планировании, подготовке или развязывании агрессивной войны.

Согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН, применение одним государством своих вооруженных сил против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, а равно воздействие на него каким-либо иным способом, не совместимым с Уставом ООН, принято называть агрессией.

Планирование агрессивной войны означает стратегическую и (или) тактическую разработку планов развязывания и (или) ведения этой войны (например, выбор страны-жертвы, определение сроков и масштабов ведения агрессивных военных действий ит.д.).

Подготовкой агрессивной войны признаются действия, которые преследуют цель перспективного и успешного обеспечения соответствующих планов развязывания или ведения такой войны (наращивание производства военной техники, увеличение численности вооруженных подразделений, создание резервов продовольствия и горючего, активизация разведывательной деятельности о противнике, проведения штабных учений в условиях, приближенных к боевой обстановке, и т.д.)

Под развязыванием агрессивной войны следует принимать фактическое начало самой войны, осуществление акта агрессии, который может проявиться в различных формах. По мнению Генеральной Ассамблеи ООН, является: вторжение или нападение вооруженных сил одного государства (агрессора) на территорию другого государства (жертвы); любая военная оккупация или аннексия; бомбардировка вооруженными силами одного государства (агрессора) территории другого государства (жертвы); применение любого оружия одним государством (агрессором) против территории другого государства (жертвы); нападение вооруженными силами одного государства (агрессора) сухопутные, морские или воздушные силы или флоты другого государства (жертвы); применение вооруженных сил одного государства (агрессора), находящегося на территории другого государства в нарушение условий соглашения об их пребывании; предоставление одним государством территории другому государству для использования в целях агрессии и др.

Характерным примером служит агрессия гитлеровской Германии против европейских государств,

вылившаяся во вторую мировую войну, готовилась с 1933 г. – прихода нацистов к власти. В подготовку и осуществления агрессии были вовлечены десятки тысяч людей, весь государственный и партийный аппарат, включая зарубежные службы.

Следует обратить внимание и на способ совершения международного преступления. Под способом понимаются метод, порядок, последовательность приемов, применяемых лицом при совершении международного преступления. Но довольно часто невозможно выделить какой-то один из способов его совершения. Для того, чтобы выделить конкретных участников международного преступления, в зависимости от роли в механизме единой преступной деятельности, следует использовать различные методы и приемы предварительного следствия.

События, которые составляют объективную сторону международного преступления, могут совершаться на территориях государств, и в разное время. Место совершения международного преступления, на наш взгляд, должно определяться как местом совершения действия или бездействия, входящих в его состав, так и место наступления преступных последствий. Примером может служить агрессивная война, которая планируется, как правило, на территории государства одного государства, а непосредственно преступные действия совершаются на территории другого (других) государства.

Международным преступлением может послужить и преступное бездействие, которое, как правило, определяется как общественно опасный и противоправный акт, который может быть выражен в невыполнении своих обязанностей или же долга. Следует заметить, что во многих международных преступлениях бездействия, как правило, встречается в совокупности с другими параллельно совершаемыми преступлениями. Важным является, то, что субъектом таких международных преступлений, является должностным лица. Например, Международный военный трибунал для Дальнего Востока приговорил к исключительной мере наказания – смертной казни бывшего командующего японской армией в Китае И. Мацуи за тяжкие преступления, совершенные японскими войсками в декабре 1937 г. при захвате Нанкина, где были зверски убиты более 200 тыс. человек. Из материалов уголовного дела видно, что сам Мацуи в этих убийствах не принимал участия, но Трибунал посчитал, что Мацуи «обладал достаточной властью для того, чтобы установить контроль над своими войсками и защищать жителей Нанкина. Это был его долг. Он

должен нести уголовную ответственность за то, что не выполнил этот долг³⁰».

Международные преступления по своему характеру могут быть длящимися и продолжаемыми. Длющиеся преступления выражаются в том, что его состав осуществляется непрерывно (например, захват и удержание заложников, незаконной оккупации чужой территории). Продолжаемое преступление отличается тем, что оно состоит из нескольких эпизодов, которые объединены единым преступным умыслом и сходным способом совершения международного преступления. Например, акты разбоя среди мирного населения или же издевательства над военнопленными.

Следующим элементом объективной стороны международного преступления могут являться вредные последствия, которые могут быть выражены в том, что уже сами преступные действия независимо от последствий образуют оконченное преступление. И к таким международным преступлениям следует относить геноцид, апартеид, международный терроризм, рабство и работорговля и др.

Преступные действия (бездействия) и преступные последствия между собой соединены причинной связью.

Речь идет об установлении того, что наступившие общественно опасные последствия порождены данными действиями (бездействием) лица, а не действиями третьих лиц либо каких-либо деяние продуцировало предусмотренные международно-правовой нормой опасные последствия.

Из теории национального уголовного права видно, что методологически причинная связь – это один из видов детерминации. Детерминация представляет собой взаимосвязь явлений, при которой одно явление определяет (детерминирует) появление другого. В философии таких связей насчитывается свыше тридцати. Для международного уголовного права, на наш взгляд, значимы две – причинная связь (причинение) и обуславливающая связь (обуславливание). При причинной связи действие (бездействие) само порождает, продуцирует, воспроизводит последствия. При обуславливании одно явление лишь создает возможность, которая реализуется посредством появления последствий. Причина и условие тесно взаимодействуют. Без благоприятной ситуации возможность появления последствий причиной не реализуется.

Однако при взаимодействии причины и условия они сохраняют свою специфику разных видов детер-

минации: причина со следствием связана генетической связью, условие обуславливается ею.

Причинная и обуславливающая связи являются объективными видами связи. Причина и условие всегда предшествуют следствию. Причины и условия, с одной стороны, и следствие – с другой, изоморфны, т.е. однородны по содержанию, в том числе по общественной опасности. В учении о причинной связи в национальном уголовном праве встречаются утверждения, что философское понятие причины и следствия полностью применимо в уголовном праве. Однако такое мнение нуждается в уточнении. Механизм причинения, причинность, каузальность, действительно, едины для всех явлений природы и социальной деятельности. Сами же причина и следствие в соответствующих сферах функционирования специфичны. Как в национальном уголовном праве, так и в международном уголовном праве причины всегда суть действия или бездействие лица, достигшего определенного возраста и вменяемого. Последствия же всегда – общественно опасный вред, ущерб охраняемым международно-правовой нормой правоотношениям.

В международном уголовном праве сложность причинной связи, выражается в наличии в ней многочисленных звеньев, особенно когда речь идет о преступной деятельности государства. Из материалов Нюрнбергского процесса видно, что подсудимые «захватили германское государство и превратили его в разбойничье государство, подчинив своим преступным намерениям всю исполнительную мощь государства. Этому содействовали все руководители всех учреждений и оказывали этому поддержку³¹.

На основании изложенного можно утверждать, что объективная сторона в международном уголовном праве складывается из признаков, характеризующих внешнюю сторону международного преступления. К объективной стороне относятся: внешняя сторона деяние (действие или бездействие), его последствия, причинная связь между деянием и последствием, время, способ и обстановка совершения международного преступления.

Объективная сторона преступления, как правило, наиболее подробно описывается в диспозициях международной правовой нормы.

На основании изложенного можно полагать, что квалифицирующие признаки состава международного преступления должны занять свою нишу в международном уголовном праве как неотъемлемый институт для объективной квалификации совершаемого уго-

³⁰ См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 468-470.

³¹ См.: Нюрнбергский процесс//Сборник материалов. М., 1955. Т. II. С. 601-605.

ловно-наказуемого международного преступления и преступления международного характера.

Правильная квалификация международного преступления имеет большое значение о наказании и осво-

бождении от уголовной ответственности, о назначении вида и размера наказания и других правовых вопросов, связанных с последствиями совершения международного преступления.

Библиография:

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1997 г.
2. Акопов К.Л., Кауфман М.А. и др. Объективная сторона преступления (факультативные признаки). М., 1995.
3. Курис П. М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973. С. 126-127.
4. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
5. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991.
6. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 57.
7. Менжинский В. И. Проблема международной ответственности (В свете советской концепции международного права). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. М., 1951. С. 15.
8. Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. С. 124.
9. Международное уголовное право. Учеб. Пособие / Под общей ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 74.
10. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике //СГП. 1991. № 2. С. 35.
11. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых //СЮ. 1992. № 7. С.3.
12. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник документов. Т. VII.М., 1961. С. 516.
13. Нюрнбергский процесс//Сборник материалов. М., 1955. Т. II. С. 601-605.
14. Ответственность за военные преступления и преступления против человечества (Сборник документов). М.,1969. С. 42-43.
15. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С. 358.
16. Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980, С. 182.
17. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 28.
18. Современное международное публичное право. М., Л., 1926. С. 35.
19. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С.71-72.
20. Таганцев Н.С. Русской уголовное право. Часть общая. Т.I. СПб., 1902. С. 601.
21. Трайнин А. Н. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса. Сов. гос. и право. М. 1947, № 3. С. 15.
22. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 431.
23. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону, 1997.
24. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога 3-е изд. М. Эксмо, 2009. С. 94-115.
25. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1999. С. 78-79.
26. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1998.
27. Каламкарян Р.А.. Международный суд как главный судебный орган Организации Объединенных Наций // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 2. – С. 210-232. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.2.7737.
28. Костенко Н.И.. Роль Организации Объединенных Наций по решению проблем правосудия переходного периода и господства права в конфликтных // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.4.10012.
29. Н. И. Костенко. Организация Объединенных Наций на пути к новому согласию по вопросам международной безопасности // Право и политика. – 2008. – № 3.
30. Д. Э. Видус. Ответственность государств за геноцид // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 2. – С. 92-102.
31. Р.А. Каламкарян. Роль Международного Суда ООН в деле поддержания международного правопорядка // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 1. – С. 92-103. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.01.6.
32. Н.И. Костенко. Субъекты международных преступлений по международному уголовному праву. // Право и политика. – 2003. – № 7.
33. Д. Э. Видус. Вопрос о группах охраняемых, конвенцией «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» и идентификации жертв геноцида // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 3. – С. 16-27.
34. Н. И. Костенко. Организация Объединенных Наций в развитии международной уголовной юстиции // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 3. – С. 104-107.
35. Костенко Н.И.. Правовые механизмы международного сотрудничества в правоохранительной сфере. // Право и политика. – 2005. – № 8.
36. Н.Н. Костенко. Организация Объединенных Наций на пути к новому согласию по вопросам международной безопасности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2010. – № 1.
37. Н. И. Костенко. Роль международного права в борьбе с терроризмом. // Право и политика. – 2006. – № 8.

38. Н.И. Костенко. Роль организации объединенных наций в предупреждении транснациональной организованной преступности. // Право и политика. – 2003. – № 9.
39. Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal militaire international. Texte officiel en langue française, 42 volumes, Nuremberg, 1947-1949, t.I, p. 238.
40. Droit penal international, deuxième, Dalloz, 1979, p. 155.
41. The Law Reports of War Criminals, vol. II, p. 70.

References (transliterated):

1. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Prestupnost' i psikhicheskie anomalii. M., 1997 g.
2. Akopov K.L., Kaufman M.A. i dr. Ob'ektivnaya storona prestupleniya (fakul'tativnye priznaki). M., 1995.
3. Kuris P. M. Mezhdunarodnye pravonarusheniya i otvetstvennost' gosudarstva. Vil'nyus, 1973. S. 126-127.
4. Kudryavtsev V.N. Ob'ektivnaya storona prestupleniya. M., 1960.
5. Kovalev M.I. Problemy ucheniya ob ob'ektivnoi storone sostava prestupleniya. Krasnoyarsk, 1991.
6. Leikina N.S. Lichnost' prestupnika i ugolovnaya otvetstvennost'. L., 1968. S. 57.
7. Menzhinskii V. I. Problema mezhdunarodnoi otvetstvennosti (V svete so-vetskoi kontseptsii mezhdunarodnogo prava). Avtoref. dis. na soiskanie uch. st. kand. jurid. nauk. M., 1951. S. 15.
8. Naumov A.V. Ugolovnyi zakon v usloviyakh perekhoda k rynochnoi ekonomike //SGP. 1991. № 2. S. 35.
9. Naumov A.V. Predpriyatie na skam'e podsudimyykh //SYu. 1992. № 7. S.3.
10. Piontkovskii A.A. Uchenie o prestuplenii po sovetскому ugolovnomu pravu. S. 358.
11. Rybakov Yu. M. Vooruzhennaya agressiya – tyagchaishee mezhdunarodnoe prestuplenie. M., 1980, S. 182.
12. Reshetov Yu.A. Bor'ba s mezhdunarodnymi prestupleniyami protiv mira i bezopasnosti. M., 1983. S. 28.
13. Smirnov L.N., Zaitsev E.B. Sud v Tokio. M., 1978. S.71-72.
14. Tagantsev N.S. Russkoi ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya. T.I. SPb., 1902. S. 601.
15. Trainin A. N. Pravovye problemy Nyurnbergsskogo protsesssa. Sov. gos. i pravo. M. 1947, № 3. S. 15.
16. Tunkin G.I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. M., 1970. S. 431.
17. Timeiko G.V. Obshchee uchenie ob ob'ektivnoi storone prestupleniya. Rostov-na-Donu, 1997.
18. Ustimenko V.V. Spetsial'nyi sub'ekt prestupleniya. Khar'kov, 1998.
19. Kalamkaryan R.A.. Mezhdunarodnyi sud kak glavnyi sudebnyi organ Organizatsii Ob'edinennykh Natsii // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2013. – № 2. – S. 210-232. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.2.7737.
20. Kostenko N.I.. Rol' Organizatsii Ob'edinennykh Natsii po resheniyu problem pravosudiya perekhodnogo perioda i gospodstva prava v konfliktnykh // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2013. – № 4. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.4.10012.
21. N. I. Kostenko. Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii na puti k novomu soglasiyu po voprosam mezhdunarodnoi bezopasnosti // Pravo i politika. – 2008. – № 3.
22. D. E. Vidus. Otvetstvennost' gosudarstv za genotsid // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2012. – № 2. – S. 92-102.
23. R.A. Kalamkaryan. Rol' Mezhdunarodnogo Suda OON v dele podderzhaniya mezhdunarodnogo pravoporyadka // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2013. – № 1. – S. 92-103. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.01.6.
24. N.I. Kostenko. Sub'ekty mezhdunarodnykh prestuplenii po mezhdunarodnomu ugolovnomu pravu. // Pravo i politika. – 2003. – № 7.
25. D. E. Vidus. Vopros o gruppakh okhranyaemykh, konventsiei «O preduprezhdenii prestupleniya genotsida i nakazanii za nego» i identifikatsii zhertv genotsida // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2012. – № 3. – S. 16-27.
26. N. I. Kostenko. Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii v razvitii mezhdunarodnoi ugolovnoi yustitsii // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2012. – № 3. – S. 104-107.
27. Kostenko N.I.. Pravovye mekhanizmy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v pravookhranitel'noi sfere. // Pravo i politika. – 2005. – № 8.
28. N.N. Kostenko. Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii na puti k novomu soglasiyu po voprosam mezhdunarodnoi bezopasnosti // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2010. – № 1.
29. N. I. Kostenko. Rol' mezhdunarodnogo prava v bor'be s terrorizmom. // Pravo i politika. – 2006. – № 8.
30. N.I. Kostenko. Rol' organizatsii ob'edinennykh natsii v preduprezhdenii transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti. // Pravo i politika. – 2003. – № 9.